

УДК 159.923.5**Благополучие, благо и благожелательность: переключки взглядов древних запада и востока****Артеменков Сергей Львович**

Кандидат технических наук, профессор,
кафедра Прикладная информатика и мультимедийные технологии,
руководитель Центра информационных технологий
для психологических исследований,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
127051, Российская Федерация, Москва, ул. Сретенка, 29;
e-mail: slart@inbox.ru

Персиянцева Светлана Владимировна

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра общей психологии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
старший научный сотрудник,
Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, 9/4;
e-mail: perssvetlana@yandex.ru

Аннотация

Поминание и самоощущение благополучия человека в современном мире является важным фактором развития социума. Путем существенно разного переживания индивидуального блага формируется то или иное моральное состояние общества. Цель настоящей статьи заключается в проведении сравнительного анализа понимания блага и благополучия в представлениях ряда мудрых людей древних Запада и Востока и формулировании принципа благожелательного отношения, важного для совершенствования современного человека. Древнегреческие и древнекитайские тексты, связанные с разными школами, показывают, что знания о благе и благополучии приобретают самостоятельную ценность и становятся важными для обучения новых поколений. Философы древних Запада и Востока по-разному подходят к пониманию блага. Возвеличение возможностей ума в Западной культуре, связанное с рафинацией знания о подлинно сущем, способствовало развитию абстрактного научного мышления и современной субстанциональной логики, однако привело к представлению, что все можно определить через частности. В древнекитайской мысли можно видеть попытку более целостного рассмотрения человека без отрыва ума от чувственной сферы. Тут мудрец обращается более к сердцу нежели к уму человека. Предлагаемая концепция благожелательности человека в современном мире подчеркивает как культивацию

благожелательного отношения людей, так и необходимость труда человека над совершенствованием самого себя, поскольку действенное благо является плодом целостной системы личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Артеменков С.Л., Персиянцева С.В. Благополучие, благо и благожелательность: переключки взглядов древних запада и востока // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 3А. С. 354-366.

Ключевые слова

Благополучие, удовольствие, благожелательность, благо, благожелательное отношение, самореализация, развитие личности.

Введение

Благополучие по смыслу самого слова означает возможность получения блага. Эта возможность во многом определяется самим понятием этого блага и отношением к благу. Стремление к благу являлось естественным качеством всех людей. Однако представление блага как правильно или превратно понятого существенно отличалось в культурах древности у разных людей. То, что все существа и вещи в мире желают блага, как бы они его не представляли, исторически, в частности, для эллинов было общим местом. Ни о каком противостоянии добра и зла, бога и дьявола и т.п. греки не знали.

Психологически благо представляет собой то, что положительно оценивается конкретным человеком. В то же время, это, конечно, совсем не обязательно совпадает с философски осмысленным общим благом, моральными принципами и законами и другими установлениями. Более того, можно говорить о том, что именно эти большие различия между частным и общественным благом и являются тем оселком, на котором заостряются пути развития разных культур и цивилизаций. В историческом процессе мы видим как первичные инстинктивные моральные принципы превращаются в законы и заповеди, что позволяет донести требование их исполнения до каждого жителя, а затем воплощаются в особых указаниях к воплощению в индивидуе сердечной любви к ближнему. Это позволяет благу и благожелательности стать внутренней, а не внешней характеристикой по отношению к психологии конкретного человека.

Цель настоящей статьи заключается в проведении сравнительного анализа понимания блага и благополучия в представлениях ряда мудрых людей древних Запада и Востока и формулировании принципа благожелательности важного для совершенствования современного человека.

Представления о благе и добродетели в Древних Греции и Риме

Для понимания сущности блага в Западной культуре древности обратимся к рассуждениям Плотина. Как говорил Плотин: «Всякое зло противоположно без среднего» [Сидаш, 2021, 260]. «Благо благо, потому что желаемо? Нет дело обстоит прямо наоборот. Благо желанно, поскольку благо, но не наоборот» [Сидаш, 2021, 261]. Для понимания Блага имеет немалое значение вопрос удовольствия. Опять же Плотин учит о том, что удовольствие не в благе, но в достигающем благо. Уму (или логосной душе) присуще состояние «светлой радости» [Сидаш,

2021, 262].

Следует отметить, что здесь вопрос удовольствия не отделен от души, которая его испытывает не только в качестве результата этого процесса, но также и в виде процесса как такового. Если мы отделим процесс удовольствия от субъекта, то можем сделать вывод о том, что удовольствие не в самом благе, а в приближении к нему. Этот вывод, на наш взгляд, находится в противоречии с представлением Плотина. Удовольствие здесь не заключается в духовном совершенствовании и обращении к высшим ценностям, как может сказать современный философ, удовольствие и есть суть души того субъекта, без которой оно не существует.

Известно, что источник удовольствия являлся и одной из трех вещей, которые мыслились Пифагором достойными серьезного отношения: «славное и красивое», «полезное для (достойной) жизни» и «доставляющее удовольствие». Этими вещами «должно заниматься и их следует изучать» [Порфирий, 2019, 23]. По мнению Пифагора, баланс между этими источниками удовольствия является ключом к счастью и гармонии.

«Удовольствие он имел в виду не народное (общедоступное, вульгарное) и колдовское (обманное и очаровывающее, увлекающее помимо воли), но надежное, сдержанное, чистое от клеветы (вражды, обвинений)» [Порфирий, 2019, 23]. Таким образом, Пифагор делает различие между двумя видами удовольствия: одно происходит от материальных удовольствий, которые могут быть сравнены с искушающими песнями Сирен, а другое - от красоты, справедливости и необходимости для жизни, которое подобно гармонии Муз. Автор утверждает, что истинное удовольствие и благополучие достигаются через прекрасное, справедливое и необходимое для жизни. Это подразумевает заботу о благе других людей и стремление к гармонии в обществе. Пифагор говорит о чистом и сдержанном удовольствии, которое не основано на колдовстве или вульгарности, а является надежным и истинным. Это удовольствие не только приносит радость в настоящем, но и не требует покаяния в будущем.

Исходя из этого можно сделать вывод, что благополучие, гармония, счастье человека зависит от благожелательности. Не в смысле исполнения желаний, а в смысле любви к благу. Для нас сейчас это является осмыслением того, что именно благожелательность и стремление к равновесию и балансу с окружающим миром могут способствовать достижению истинного благополучия. Иными словами, достижение блага связано с определенным состоянием души, как таковым без каких-либо других условий [Персиянцева, Артеменков, 2024].

Благо исторически понималось как определение того, что должно и того, что не должно делать. Это понимание так или иначе опиралось на какие-то обычаи и представления, связанные или несвязанные с богами, чьи качества воплощали возвышенные возможности и истины. Пифагорейцы здесь как раз увещевали людей искать благо выше. Пифагор призывал избегать болезней, невежества, роскоши, мятежей и раздоров, убеждая людей выявить истинное благо, которое вернее всего можно найти у богов, которые воплощают его.

В Древней Греции представления о таком долженствующем благе и добродетели часто формировались через специальные предписания и акусмы, часть из которых доходит и до нашего времени в виде примет и правил поведения. При этом многие акусмы были простыми и прямыми. Хотя многие из акусм и их объяснений являются не очень понятными современному человеку, поскольку используют метафорические параллели, хотя часто и весьма здравые. Например, «Предписание: вареное не жарить, говоря, что кроткое не нуждается еще и в гневе» [Ямвлих, 2020, 105].

Изучение акусменного знания, по-видимому, служило для простых людей в Древней Греции

средством для формирования полезных жизненных навыков. Объяснения акусм могли меняться и забываться, но передача их из поколения в поколение позволяла людям учить действенное благо и известны примеры того, что ученики следовали этому знанию и его установлениям на практике, даже под страхом смерти. Примером является случай, когда во время погони воинов тирана Дионисия за учениками Пифагора они уже почти достигли спасения, поскольку преследователи отстали, но они оказались перед полем, засеянным расцветшими бобами. Не желая преступить указания «бобов не касаться», беглецы остановились и приняли бой, в котором никто не выжил [Ямвлих, 2020, 127].

Этот пример показывает, что люди, которые придерживались знания и установлений, переданных через акусмы, были готовы жертвовать своей жизнью ради своих принципов и убеждений. Благожелательность здесь проявляется в том, что люди, следующие акусменному знанию, могут стать лучшими версиями себя самих и в своих отношениях с другими, основываясь на принципах и ценностях, которые они считают важными и значимыми.

Более строгие правила и их установление, в частности, в школе Пифагора, позволяли привлекать людей, желающих познания и мудрости, что требовало больших трудов в деле самосовершенствования. Новичков и желающих постоянного общения с ним Пифагор принимал в ученики после длительной проверки, которая включала выяснение их отношений с родителями и другими домашними, особенностей их характера, влечений, досуга, эмоций и поведения, такого как походка и движения тела в целом, включая неуместный смех, молчание (не вовремя) или болтовня (без нужды). «Прошедших это испытание он оставлял без внимания еще на три года – проверяя, обладают ли они твердостью и истинной любовью к знанию, достаточно ли они настроены против мнения, чтобы презирать почет. После этого предписывал он пришедшим пять лет сохранять безмолвие, испытывая их самообладание, ибо тяжелее всего возобладать над языком...» [Ямвлих, 2020, 48]. Имущество учеников становилось общим и те, «кто являл себя достойным стать причастным догматам школы», становились учениками - «эсотериками» [Ямвлих, 2020, 49]. Можно видеть сколь благодетельными должны были быть такие ученики.

Сейчас мы можем прокомментировать такие методы выбора учеников, как их проверку на выдержку, самообладание и истинную любовь к знанию. Это позволяло создать здоровую, сбалансированную и дружелюбную обстановку в школе Пифагора. Ученики, которые были выбраны по этим критериям, вероятно, имели такие качества, как терпимость, самоконтроль, готовность к саморазвитию и уважение к другим. Пифагор стремился создать сообщество учеников, которые были бы не только учеными, но и добрыми, дружелюбными и мудрыми людьми. Пифагор также желал в своей школе создать атмосферу взаимопонимания, уважения и доверия среди своих учеников. Фактически, только в такой атмосфере люди могут достичь самосовершенствования и духовного развития. Проверка отношений учеников с родителями и близкими, а также их поведения в повседневной жизни, помогала понять их характер и способности, и подобрать подходящие методы обучения. Благодаря этому подходу, ученики чувствовали себя понятыми и поддержанными, что положительно влияло на их психологическое состояние и помогало им успешно развиваться. Можно констатировать, что забота о качестве взаимоотношений и понимании между учениками и учителем играет важную роль в обеспечении благополучия и благожелательности как в древнегреческой, так и в современной школе.

Другой способ обучения, в частности, Ямвлих описывает как обучение посредством символов [Ямвлих, 2020]. Обучение с использованием символов имело большое значение для

древних греков, особенно в Египте. Пифагор старался раскрывать нравственные значения и скрытые мысли символов для того, чтобы они были поняты без искажений. Ямвлих также подчеркивал, что символы должны быть истолкованы правильно, чтобы не казались пустыми или смешными людям, а принесли духовное вдохновение и понимание тем, кто изучает древние тексты.

Если обратиться к Восточной традиции с точки зрения рассмотрения методов обучения, то здесь мы увидим их гораздо более разнообразный характер. Приведем здесь слова Китайского философа Мэн-цзы, который жил в другой ойкумене примерно на 200 лет позже Пифагора: «Есть пять способов, которыми пользуется добропорядочный муж при обучении. Есть способ, подобный благовременному дождю, преобразующему всю природу; есть способ, который создает добродетели; есть способ, который развивает способности (таланты); есть способ, который дает ответы на вопросы; есть способ, которым учащиеся сами воспринимают учение добра» [Мэн-цзы, 1999, 197].

В настоящее время мы часто подчеркиваем важность разнообразных методов обучения и их влияние на формирование личности учащихся. Современный учитель использует различные методы обучения в учебном процессе для помощи учащимся в понимании и усвоении знаний. Его задача развить добродетели учащихся, их способности и таланты, помочь ученикам найти ответы на вопросы и побудить их самостоятельно учиться и воспринимать учение добра.

О рафинировании знаний в культуре Древней Греции

Важно отметить тот характер понимания знания, который сформировался в Западной традиции в отличие от Восточной. По Пифагору философия это «есть стремление, словно бы любовь мудрости, мудрость же есть знание истины в сущем». При этом речь шла о подлинно сущих, которые «ни в себе не содержат телесные (вещи) знания, ни (извне) надежного знания не приемлют, так как беспредельны они и знанием неуловимы, словно бы не сущие – это из-за того, что телесные вещи отличны от всеобщего и не могут подпасть красиво очерченному пределу» [Ямвлих, 2020, 108]. Иными словами, мудрость и есть особая любовь к истинно сущему, а не к неясной общей мудрости.

Сейчас мы можем трактовать этот подход как освобождение от привязанности к материальным вещам и стремление понять суть истины, что в психологическом плане может помочь человеку освободиться от негативных эмоций, страхов и страданий, а также развить в себе чувство благожелательности к окружающим. Анализ истины и поиск мудрости могут помочь человеку стать более эмпатичным, терпимым и доброжелательным. Стремление к мудрости и знанию истины может способствовать развитию самопознания, пониманию себя и окружающего мира, что, в свою очередь, может привести к благополучию человека и развитию доброжелательности к окружающим.

Ямвлих далее поясняет, что поскольку «Знания же о том, что по природе непознаваемо, даже не придумать», то философскому «стремлению прилично быть не стремлением к знанию не сущего, но куда больше стремлением к знанию о подлинно сущих, всегда тех же и пребывающих тем же способом и всегда сущих в себе вместе с понятием «сущие»» [Ямвлих, 2020, 108, 109]. Из рассуждений Ямвлиха мы видим, что философское стремление должно быть направлено не на попытки познать непознаваемое (невозможное для понимания), а на поиск знания об истинно существующем, что представляет собой такие идеи, которые являются вечными и неизменными. Подлинно сущее является термином, который описывает абсолютную

реальность, того, что существует независимо от человеческого сознания и восприятия. Часто данный термин рассматривается как высшая степень реальности, к которой можно стремиться в поисках истины и смысла. Такая объективация знания, по-видимому, также заложила основы субстанциональной логики Западного мира, когда знания классифицируются и встраиваются в систему разделенного пространственного расположения, подобно монетам скупца, разложенным в отделения его шкапулки [Смирнов, 2021].

Философия, которую он (Пифагор) философствовал, имела своей целью вытащить уделенный нам (высшими началами) ум из темниц и освободить его от оков, ибо без ума не визнает человек ничего здравого, ничего истинного не будет, даже энергиями чувств ничего не увидеть без ума [Порфирий, 2019]. Рассматривая вещи математические, Пифагор пробуждал в душах «посредством искусства желание к уготованной им (небом настоящей) пище. Возводя их посредством этого к созерцанию сущностно сущих, он наполнял их блаженством. Упражнения в математических предметах служили именно этому» [Порфирий, 2019, 27]. Сущностно сущие или подлинно сущие вещи пребывают вечно, подобно богам, и отличаются в этом от тел и вещей «несколько не пребывающих», «которые никогда не существуют как те же самые тем же самым способом в том же» [Порфирий, 2019, 27].

Рассматривая подход Пифагора к воспитанию и преобразованию ума, можно отметить, что Пифагор учил своих учеников направлять свое внимание от непостоянных и нереальных вещей к тем, которые имеют истинную сущность, например к таким, как вечные боги. Пифагор считал, что, преобразовав ум, ученик сможет достичь созерцания истинно сущего. Идеализация умственных возможностей человека достигает здесь своей высшей степени воплощения. Пифагор своей философией призывал освободить человеческий разум от ограничений и препятствий, чтобы он мог познать истину и обрести здравый ум. В процессе развития умозрения истинно сущих мы можем увидеть начала развития современного абстрактного научного мышления. Известно, что научный ум работает не только с идеальными сущностями, но с так называемыми идеализированными объектами. В случае идеализированного объекта, мы увеличиваем степень этой идеализации таким образом, что этот объект, с одной стороны, оказывается более простым и нереализуемым, а, с другой стороны, этот объект становится более общим, может относиться к более общему кругу явлений и тем самым замыкает некоторый набор многих феноменальных данностей [Липкин, 2011].

Такая рафинация знания как от любой омонимии, так и от его чувственной основы в наибольшей степени выражается дальше в положении Плотина о перенаправлении всей деятельности человека в Ум, как царство свободы. «Ибо Ум – первый самовластный, не отчасти и не по интенции, но впервые осуществивший свободу вполне, ибо желает то, чем обладает, и обладает тем, что желает» [Сидаш, 2021, 271].

Правда речь у Плотина идет скорее о Божественном Уме, но такая свобода в смысле самовластной автономности действительно во многом соответствует и возможностям человеческого разума, в отличие от всего того, что опирается на внешние человеку средства и технологии. Отделяя себя от непосредственных возможностей восприятия и усилия внешнего действия, ум может отказываться от навязчивых непосредственных впечатлений реального мира и концентрироваться на своих мыслях и размышлениях, которые выступают как в качестве нала, так и в виде результата его работы. Результатом такой автономии и отстраненности может быть погружение в свой внутренний мир, в мир абстрактных идей или исследования сложных концепций. Мы можем увлечься размышлениями и анализом, что может отвлечь нас от окружающего мира и его возможностей. Однако отстранение ума от непосредственных

возможностей восприятия и усилий действия может ограничить наше понимание и восприятие мира. Поэтому можно сделать вывод о том, что важно найти баланс между мыслями и практическим опытом, между абстрактным и конкретным, чтобы полноценно взаимодействовать с окружающим миром и использовать его возможности. Понять этот разрыв можно, обратив внимание на свои мысли и сознательно возвращаясь к реальности телесных ощущений.

Казалось бы, в этом рассуждении выше мы выходим на понимание некоторых более совершенных возможностей как применения ума, так и других жизненных процессов. Но, отделив ум и центрировавшись на нем, мы в принципе уже не можем представить ум без ума и его отсутствие как возможность и даже благо. Баланс в принципе предполагает наличие тех отдельных частей, которые надо уравнивать.

Древнекитайские взгляды на благо и благожелательность

Если мы обратимся к Восточным взглядам на благо как таковое и на благо знания, то здесь мы не видим такого отрыва Ума от непосредственных возможностей восприятия и усилий действия. Да и, если не центрироваться на уме, то и никакого баланса между мыслями и практическим опытом, о котором говорилось выше, находить не надо.

Обратимся к философу Мэн-цзы, который говорил: «люди должны сперва обладать решимостью чего-то не делать, тогда только они смогут делать (все)», где переводчик поясняет: с той же решимостью [Мэн-цзы, 1999, 118]. Но погружение в знание помимо глубины у Мэн-цзы имеет очень важное измерение его широты в которой оно не может быть оторвано от его непосредственного использования на практике. Неразрывность знания и практики жизни в ее непосредственной широте и полноте – есть то, что характеризует Восточное знание. «Большим человеком является тот, для которого не обязательны ни убедительность в речах, ни решительность в действиях, а только нахождение справедливости. Кто является большим человеком, тот не утрачивает своего младенческого (непорочного) сердца» [Мэн-цзы, 1999, 118].

В современной трактовке мы утверждаем, что знание не может быть оторвано от практического использования и что их взаимосвязь является ключом к пониманию знания. Мудрость и величие человека для Мэн-цзы не определяются ни его словами или действиями, а его способностью ощущать справедливость и сохранить непорочное сердце. Познание истины является путем такого удовлетворения, которое делает человека добропорядочным и менее зависимым от изменения условий жизни. Тот факт, что качества человека в результате определяются условиями социальной жизни, Мэн-цзы отдельно подчеркивал: «В богатые годы ученики мои в большинстве предаются лени, а в лихолетье в большинстве ожесточаются. Происходит это не потому, что небо ниспослало им разные задатки. Они становятся такими от всего того, во что погрязают из сердца» [Мэн-цзы, 1999, 161].

На конкретных примерах Мэн-цзы показывает, что «все, что однородно, сходно между собой. Почему же сомневаются в этом, как только речь заходит о людях? Даже премудрые люди однородны с нами» [Мэн-цзы, 1999, 162]. То, что является сходным для людских сердец он и называет истиной и справедливостью. «Премудрым людям удалось прежде всех приобрести то, чем наши сердца так сходны. Вот почему истина и справедливость в такой же мере услаждают наши сердца, в какой вкусные овощи и свинина наши рты!» [Мэн-цзы, 1999, 163]. Таким образом по Мэн-цзы в понимании и ощущении сродства и сходства люди могут понять и

приобщиться к общему благу, что, конечно, намного труднее сделать теперь, если люди современной цивилизации начинают отстаивать свою особую уникальность, стремясь к независимости и индивидуализму.

Знания добропорядочного мужа по Мэн-цзы имеют практическую социальную направленность. «Нелицеприятность – это сердце человека, а справедливость – это путь человека. Как жаль, что люди оставляют свой путь и не сообразуются с ним; отпускают на волю свое сердце, а потом не знают, как найти его! Имеющие кур и собак знают, как найти их, когда пускают их на волю, а есть люди, которые не знают, как искать свое сердце, когда дают ему волю. Знания и образование являются ничем иным, как путем, ведущим к отысканию своего сердца, отпущенного на волю, вот и все!» [Мэн-цзы, 1999, 166].

Согласно Мэн-цзы, истинная радость заключается не во власти и богатстве, а в любви к своим родным, моральной чистоте, определяющей отсутствие угрызений совести и переживаний стыда, а также в способности воспитывать талантливых и благожелательных людей. В этом контексте, благополучие достигается через эти ценности и глубокие человеческие отношения, а благожелательность проявляется в желании улучшить жизнь других, воспитывая лучшее в них.

Актуализация добродетели по Мэн-цзы основана на правильной мотивации и на понимании того, что, реализуя добродетель, человек учится применять свои чувства и моральные принципы не только в очевидных ситуациях, где правильное действие легко определить, но и в более сложных ситуациях, где не всегда очевидно, как нужно поступить. Это положение можно сравнить с утверждениями Плотина, который также обращает внимание на мотивацию при выполнении действий. Действия, не мотивированные свободной волей – всего лишь действия, но не поступки [Сидаш, 2021]. При этом все, что связано с практической деятельностью свободно лишь отчасти. Это же относится и к добродетельным поступкам: они свободны ровно настолько, насколько умны, т.е. насколько суть стремления, замыслы и интенции; насколько же они совершаются; насколько определяются и другими причинами и становятся все более действиями.

Свобода не в самом поступке, пусть бы и добродетельном, но в предшествовавшем ему внутреннем движении. Отсюда понятно, что истинная свобода человека состоит в недеянии, в перенаправлении всей его деятельности в царство свободы, т.е. в Ум. «Душа становится свободной, когда через Ум беспрепятственно поспешает к Благу, и то, что по причине этого делает – в ее власти» [Сидаш, 2021, 272].

В современной трактовке можно утверждать, что развитие самоосознания и самоконтроля позволит нам быть более сознательными и свободными в выборе наших действий. В максималистской трактовке истинную свободу человека часто связывают со свободой от страстей и желаний, чтобы иметь полную свободу направить свою деятельность к истинному благу через управление своим умом, познавшим это истинное благо. В этом случае Ум, который направлен на добрые и светлые мысли, должен помочь душе освободиться от сомнений и страхов, открывая путь к гармонии и радости. Душа получает свободу выбора и контроля над своими действиями, что делает ее более сильной и уверенной.

Восточная мысль в этом случае не столь расположена отдать уму полный контроль над действиями. Она также и не бежит от ситуации непосредственного действия. Ум, с его приверженностью следования законам и правилам, оказывается обладает своими существенными проблемами, и в действительности ему часто трудно доверять. Рассмотрим пример. Предположим, что мы вдруг случайно увидели ребенка, который может упасть с

большой высоты. Мы скорее всего ощутим необходимость помочь ему не потому, что: мы хотим хорошо выглядеть перед нашими родителями, мы хотим получить приз от наших соседей или друзей, нам не нравится крик детей и т. п. Иными словами добродетельный человек не будет искать выгоду или просто следовать привычным образцам поведения. Действия людей, которые знают истинное благо, опираются на правила и моральные нормы. Но проблема заключается в том, что эти правила и нормы выступают как внешние по отношению человеку и всегда в той или иной мере отличаются внутренних предрасположенностей человека. Действуя так, человек похож на начинающего обучаться новым движениям, что является источником неизбежных ошибок, часто не ведущих к адекватности и успеху соответствующих действий.

Всем этим действиям Мэн-цзы противопоставляет действия, которые проявляются из «расширения расположения» [Артеменков, 2022, 202]. «Это люди, которые действуют исходя из расположения, имеющегося в момент действия, в качестве результата длинного мотивированного процесса культивирования достоинства» [Артеменков, 2022, 202]. Мудрый человек по Мэн-цзы является моральным человеком. Его действия возникают не из принципов, а из предпочтений, которые его «расположение» производит в ответ на особые (активные жизненные) ситуации [Ясперс, 2017]. Таким образом преодолевается ограниченность имеющегося репертуара чисто привычных реакций.

Внутренняя экспертиза ситуации здесь связана с возможностью ее полноценного восприятия и быстрого интеллектуального осознания. А «путь научения лежит посередине между двумя крайностями: спонтанное выражение свободное от контроля мышления; рациональное вычисление и мышление со взвешиванием целей и средств» [Артеменков, 2022, 202]. Принципы реализации этого процесса из древности дошли до нашего времени, например, в виде особых положений учителей ушу и выражают, в частности, приход к пустотно-неосязаемому сознанию. Сунь Фуцюань (Сунь Лутан) пишет. «Что такое “искусство Пути” в деле: в сознании все пустотно-неосязаемо, без усилий попадаешь в точку, без раздумий постигаешь правду, вольно следуешь срединному пути и ко времени выказываешь его» [Сунь Лутан, 1994, 311]. «Где нет воли – там подлинная воля. Когда сознание не имеет своего сознания, тогда сознание пустотно. Когда в теле нет этого тела, тогда тело пустотно. Вот что древние называли: “пустое – а не пустое, не пустое – а пустое. Такое зовется подлинной пустотой”. Хотя это пустота, она предельно действенна и предельно подлинна» [Сунь Лутан, 1994, 311].

Возвращаясь к мудрости древнего Востока и Запада, можно сказать, что правильно понимаемая благожелательность создает естественную мотивационную основу для развития личности человека в сторону развития реально действенной добродетельности. Например, у Чжуан-цзы мы видим, что в существе человеческих дел жизнь разума и «целостность чистой простоты» связываются в единую целостность [Чжуан-цзы, 2013, 122]. Действенная радость есть тот пульс жизни, который помогает реальному проживанию момента. Это обеспечивает как основу обязательности и естественной приверженности ценностям непосредственной взаимосвязи [Артеменков, 2021], обеспечивающей вход в реальность бытия, так и результирующую искусность и универсальность достигаемого всецелотелесного мастерства.

Не имея двойного/множественного дна в сердце, доброжелательный человек может быть искренним и чистым в отношениях, а также легким, быстрым и адекватным в своих действиях. Здесь легкость означает отсутствие слишком большой инерции, а быстрота – отсутствие «тяжести» умственных действий, которые связывая прошлое с будущим, имеют проблемы в виде постоянного запаздывания и лишь только относительного нахождения в непосредственном

настоящем. В частности, мы знаем, что люди без скрытых мотивов и двойных намерений чаще всего действуют искренне и прямо, что позволяет им быстро принимать решения. Эти люди не тратят время на размышления о том, как бы получить выгоду из ситуации или как обмануть других, а сконцентрированы на том, чтобы быть доброжелательными, а это значит проявлять терпимость, понимание и уважение к другим.

Благо и благожелательность в современном мире

Через связь философий Запада и Востока в настоящее время лучше определить благожелательность в более широком смысле, как благожелательное отношение в жизни, которое человеку надо развивать также, как он развивает эстетическое, экологическое и другие отношения [Персиянцева, Артеменков, 2024]. Фактически, в основе благополучия лежит принцип благожелательного отношения человека к миру. Здесь важен акцент на ценности чувственно-познавательного осознания блага и переживания себя в благодейственном единстве с миром и в пожелании блага всем живым существам в нем. Такая тотальная благожелательность становится основой для возможности развития в человеке реального действенного блага, не ограниченного только благом для себя или своих близких.

Сравним идею благожелательного отношения с понятием эстетического отношения, развитого А.А. Мелик-Пашаевым [Мелик-Пашаев, 2022]. Два важных аспекта, которые здесь первоначально отмечаются. Первое – это то, что искусство происходит не от бедности души, а «от богатства человека, от того, что человек богаче своей жизни», «искусство есть не восполнение жизни, но исход из того, что в человеке превышает жизнь» [Выготский, 1991, 283]. Второе – есть «те переживания, которые выражаются в истинно художественном образе, - они особые, и они связаны с некоторым особым целостным отношением человека к жизни» [Мелик-Пашаев, 2022, 103].

«Человек с развитым эстетическим отношением имеет тенденцию – а в какие-то моменты она проявляется с огромной силой, - тенденцию и способность непосредственно переживать свое сущностное единство с миром, ... когда он чувствует себя неотъемлемой частью бесконечного мира. Когда во всем так называемом объективном мире он чувствует жизнь, родственную своей собственной» [Мелик-Пашаев, 2022, 104, 105]. Человек с благожелательным отношением не в меньшей степени имеет такое же непосредственное переживание.

«Чувственное восприятие оказывается решающим для создания художественного образа» [Мелик-Пашаев, 2022, 105], но оно же является основой для действенного сострадания и непосредственной основы индивидуальной морали.

Идеи благожелательного отношения и эстетического отношения имеют общий знаменатель в понимании и уважении других людей и мира в целом. Однако эти идеи выражаются через разные сферы взаимодействия. С одной стороны, через эмоциональную и нравственную, с другой стороны, через эстетическую и художественную. Искусство есть проявление богатства человека, а особые переживания, выраженные в художественных образах, связаны с целостным отношением к жизни и непосредственным переживанием единения с миром у человека с развитой эстетической установкой. При этом чувственное восприятие играет ключевую роль не только в художественном творчестве, но и в проявлении сострадания и индивидуальной морали.

Представления о благе, благожелательности и благополучии получаю в настоящее время двойное значение, с одной стороны, как возможность добродетельного отношения к ближнему, а с другой – как такое осознанное отношение человека к самому себе, при котором он воплощает

стремление к благу стать творцом самого себя, как приверженному этому благу. Современная цивилизация, освобождая все больше времени человеку от необходимости тратить его на труд для приобретения средств жизни, предоставляет свободному человеку все больше возможностей наконец начинать трудиться над совершенствованием самого себя, поскольку благо является не плодом ума, но всей целостной системы личности. Настройка души на реальность действенного воплощения блага и благожелательности представляет собой создание собственной мелодии проживания жизни.

Заключение

Можно сделать вывод, что рассмотренные философы древних Запада и Востока по-разному подходят к пониманию блага и благожелательности. В первую очередь следует подчеркнуть тот факт, что возвеличивание возможностей ума в Западной культуре, связанное с рафинацией знания о подлинно сущем хотя, по-видимому, способствовало развитию абстрактного научного мышления и современной субстанциональной логики, однако вместе с тем, привело и к представлениям о том, что все можно определить через частности и такое рассмотрение не приводит к потере универсальности.

В мысли Востока можно видеть попытку более целостного рассмотрения человеческой жизни без отрыва ума от чувственной сферы. Здесь тотальная всецелопсихическая благожелательность означает активное стремление к благополучию всех живых существ, отсутствие агрессии и более целостный подход к жизнедеятельности и определению человека в мире. В частности, тут мудрец обращается более к сердцу нежели к уму человека.

Предлагаемая на рассмотренной основе концепция благожелательности человека в современном мире подчеркивает не только культивацию благожелательного отношения людей друг к другу и к другим живым существам, но и необходимость труда человека над совершенствованием самого себя. Таким образом, введение принципа благожелательного отношения подчеркивает важность индивидуального развития и самореализации, вместе со значимостью общественной поддержки и справедливости.

Заимствование различных подходов и концепций обеих культур и философий Запада и Востока о благе, благожелательности и благополучии позволяет лучше понять и раскрыть тот путь, который может помочь двигаться дальше, объединив западные принципы этики, добродетели и гуманизма с восточной концепцией гармонии, баланса и спокойствия. Будущее человечества принадлежит идее развития каждой личности, в чем находится основа полноценного развития жизни общества в целом.

Библиография

1. Артеменков С.Л. Проблема опосредования в киберпсихологии / В книге: Нейрокомпьютеры и их применение XIX Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 2021. С. 391–395.
2. Артеменков С.Л. К вопросу о развитии мотивации (перенесение цели на мотив). В книге: Нейрокомпьютеры и их применение XX Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 2022. С. 200–202.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
4. Липкин А.И. Структура современного физического знания. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. 2011. № 1. С. 46–62.
5. Мелик-Пашаев А.А. Эстетическое отношение человека к миру как основа художественной одаренности. В кн. О науке и о жизни. Интервью с выдающимися российскими учеными-психологами / Под ред. Н. Г. Кондратюк, Г. В. Шуковой. М.: ДМК Пресс, 2022. С.100–109.
6. Мэн-цзы. Под ред. Л. Н. Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 272 с.

7. Персиянцева С.В., Артеменков С.Л. Психологические факторы благополучия студентов в условиях обучения. Актуальные проблемы психологического знания. № 1 (66). 2024. С. 213–229. DOI: 10.51944/20738544_2024_1_213
8. Порфирий. Труды. Том II. Малха царя жизнь Пифагора. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2019. 1024 с.
9. Сидаш Т.Г. Богопознание у Плотина. В книге Шестая Эннеада. Книга 3 /Плотин. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2021. 336 с.
10. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению / А. В. Смирнов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.
11. Сунь Лутан. Избранные наставления старых учителей ушу. В книге Антология даосской философии. М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1994. С. 311-312.
12. Чжуан-цзы / пер. с кит. Л. Позднеевой. СПб.: Амфора. ТИД Амфора. 2013. 367 с.
13. Ямвлих. Собрание творений в 4 томах. Т.3. Пифагорейское предание. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2020. 432 с.
14. Ясперс К. Введение в философию. Философская автобиография. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. 304 с.

Well-being, Good, and Benevolence: Resonance of Ancient Western and Eastern Perspectives

Sergei L. Artemenkov

PhD in Technical Sciences, Professor,
Department of Applied Informatics and Multimedia Technologies,
Head of the Center for Information Technologies in Psychological Research,
Moscow State University of Psychology and Education,
127051, 29, Sretenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: slart@inbox.ru

Svetlana V. Persiyantseva

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,
Department of General Psychology,
Russian State University for the Humanities,
125047, 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russian Federation;
Senior Researcher,
Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
125009, 9/4, Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: perssvetlana@yandex.ru

Abstract

The perception and self-awareness of human well-being in the modern world serve as crucial factors for societal development. The diverse individual experiences of "the good" shape the moral condition of society in distinct ways. This article aims to conduct a comparative analysis of how "the good" and well-being were conceptualized by ancient Western and Eastern sages, and to formulate principles of benevolent attitudes essential for personal development today. Ancient Greek and Chinese texts from various philosophical schools reveal that knowledge about "the good" and well-being acquired intrinsic value and became foundational for educating new generations.

Western and Eastern philosophers approached these concepts differently: Western thought, emphasizing the mind's capacity to refine knowledge of true being, fostered abstract scientific thinking and modern substantive logic, yet led to a fragmented understanding of reality through particulars. In contrast, ancient Chinese philosophy sought a more holistic view of human nature, integrating mind and sensibility, where wisdom addressed the heart rather than solely the intellect. The proposed concept of benevolence in the modern world highlights both the cultivation of benevolent interpersonal attitudes and the necessity of self-improvement, as genuine good emerges from the integrated system of one's personality.

For citation

Artemenkov S.L., Persiyantseva S.V. (2025) Blagopoluchiye, blago i blagozhelatel'nost': pereklichka vzglyadov drevnikh zapada i vostoka [Well-being, Good, and Benevolence: Resonance of Ancient Western and Eastern Perspectives]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (3A), pp. 354-366.

Keywords

Well-being, pleasure, benevolence, the good, benevolent attitude, self-realization, personal development.

References

1. Artemenkov S.L. (2021) The problem of mediation in cyberpsychology / In the book: Neurocomputers and their application XIX All-Russian Scientific Conference. Abstracts of reports. Moscow, 391–395 (in Russian).
2. Artemenkov S.L. (2022) On the issue of developing motivation (transferring the goal to the motive). *In the book: Neurocomputers and their application XX All-Russian Scientific Conference. Abstracts of reports.* Moscow, 200–202 (in Russian).
3. Vygotsky L.S. (1991) Educational psychology / Ed. V.V. Davydov. Pedagogy, Moscow (in Russian). 480 p.
4. Lipkin A.I. (2011) The structure of modern physical knowledge. *Bulletin of Moscow University. Ser. 7. Philosophy.* 1, 46–62 (in Russian).
5. Melik-Pashaev A.A. (2022) A person's aesthetic attitude to the world as the basis of artistic talent. In the book. *About science and life. Interviews with outstanding Russian psychologists* / Ed. N. G. Kondratyuk, G. V. Shukova. DMK Press, Moscow. P. 100–109. (in Russian).
6. Mencius (1999) *Mencius*. Ed. L. N. Menshikova. "Petersburg Oriental Studies", St. Petersburg. 272 p. (in Russian).
7. Persiyantseva S.V., Artemenkov S.L. (2024) Psychological Factors of Students' Wellbeing in Educational Settings. *Actual problems of psychological knowledge.* 1 (66), pp. 255–274. DOI: 10.51944/20738544_2024_1_213 (in Russian).
8. Porphyrios (2019) *Proceedings.* Volume II. Malchus the king life of Pythagoras. Publishing project "Quadrivium", St. Petersburg. 1024 p. (in Russian).
9. Sidash T.G. (2021) Knowledge of God in Plotinus. In the book *The Sixth Ennead. Book 3 / Plotinus.* Publishing project "Quadrivium", St. Petersburg. 335 p. (in Russian).
10. Smirnov A.V. (2021) *Logic of meaning as a philosophy of consciousness: an invitation to reflection* / A. V. Smirnov. YASK Publishing House, Moscow. 448 p. (in Russian).
11. Sun Lutang. (1994) Selected instructions from old Wushu teachers. In the book *Anthology of Taoist philosophy.* Partnership "Klyshnikov-Komarov and K", Moscow. P. 311-312. (in Russian).
12. Zhuang Zhou. (2013) *Zhuangzi* / translation from Chinese L. Pozdnevoy. Amphora. TID Amphora, St. Petersburg. 367 p. (in Russian).
13. Iamblichus. (2020) *Collection of works in 4 volumes.* T.3. Pythagorean legend. Publishing project "Quadrivium", St. Petersburg. 432 p. (in Russian).
14. Jaspers K. (2017) *Introduction to philosophy.* Philosophical autobiography. Kanon + ROOI "Rehabilitation", Moscow. 304 p. (in Russian).